

византийская прония по существу не отличалась от западноевропейского феода: «Византия — приморское государство, но ее военная организация, основывающаяся на системе пронии, стала строиться так, как если бы Византия была страной, находящейся в глубине континента»⁶⁹.

О пронии как условной форме землевладения военного характера писал и Б. Т. Горянов⁷⁰. Развитие пронии он ставил в связь с развитием иммунитета: «Светская экуссия создается и развивается параллельно с возникновением и развитием пронии и является в руках крупного землевладения мощным орудием по превращению пронии в экономически, а затем и политически почти независимые от центральной государственной власти владения»⁷¹. Сходной точки зрения на характер византийской пронии придерживается К. Н. Юзбашян⁷².

Вопрос об условной феодальной собственности, и в частности о пронии на болгарских землях Византийской империи XI—XII вв., затронут в указанной выше монографии Г. Г. Литаврина. Последний разделяет точку зрения Д. Анастасиевича и Г. Острогорского, что «институт пронии как условного земельного пожалования военного характера был в конце XII в. уже «очень широким», а сословие прониаров — могущественным и этнически пестрым»⁷³. К этому времени прония приобретает характер специфически военного земельного пожалования⁷⁴. В XII в. она становится наиболее типичным условным земельным пожалованием, вытесняя все другие его виды. «Если вначале, — пишет Г. Г. Литаврин, — получаемые с пронии доходы ни по форме, ни по размерам не должны были отличаться от государственных налогов, то в середине XII в. прониар уже свободно распоряжается крестьянами своей пронии»⁷⁵.

Таким образом, мы видим, что проблема происхождения и характера пронии как формы условного землевладения в Византии плодотворно разрабатывалась в советской исторической науке. Но для ее полного разрешения потребуются еще немалые усилия ученых, поскольку данные источников нередко являются спорными и противоречивыми.

Сравнительно мало изучалось в нашей историографии последних лет развитие феодальных отношений в XIII—XV вв. Основная проблема, которую предстоит решить в данной области, такова: были ли эти столетия только временем экономического спада (такую точку зрения всего последовательнее проводит Б. Т. Горянов) или же в этот период наряду с усилением феодальной реакции имело место зарождение раннекапиталистических элементов (эти положения отстаивали З. В. Удальцова, А. П. Каядан).

Суммируя все сказанное, мы можем констатировать, что главным направлением исследований советских византистов в 1955—1960 гг. являлась углубленная разработка широкого комплекса проблем, связанных с зарождением, развитием и специфическими особенностями феодализма в Византии. Хотя за последние годы разрешение ряда вопросов значительно продвинулось вперед, однако очень многие из них остаются спорными. Несомненно поэтому, что анализ природы византийского феодализма еще долгое время составит предмет специальных исследований советских ученых.

⁶⁹ Там же, стр. 74.

⁷⁰ Б. Т. Горянов. Крупное феодальное землевладение в Византии XIII—XIV вв. ВВ, X, 1956, стр. 114—117.

⁷¹ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. ВВ, XII, 1957, стр. 113.

⁷² К. Н. Юзбашян. «Варяги» и «прония» в «Повествовании» Аристархеса Ластивертци. ВВ, XVI, 1960, стр. 14—23.

⁷³ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 154.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, стр. 158.